

ВОПРОСЫ ТЕОРИИ

М.Г. СОКОЛЯНСКИЙ
(г. Любек, Германия)

ПРОБЛЕМЫ ТИПОЛОГИИ РОМАНА В НАУЧНОМ НАСЛЕДИИ М.М. БАХТИНА

Изучение типологии многообразных романских форм имеет в мировой филологической науке уже столетнюю историю. Заявленная ещё на пороге XX века в трудах В. Дибелиуса и К. Тиандера, эта проблема и поныне сохраняет неоспоримую научную актуальность; во всяком случае нелёгкая задача построения общей типологической классификации романа до сих пор, по признанию многих специалистов, остаётся нерешённой.

Среди разнообразных подходов к изучению типологии романского жанра, предложенных исследователями, можно выделить (в самом грубом делении) две преобладающие тенденции: **историко-эмпирическую** и **дедуктивно-теоретическую**. Если приверженцы второй линии стремятся, как правило, априорно построить жёсткую типологическо-классификационную схему для всего богатства известных форм (с последующим накладыванием готовых матриц на живой литературный материал), то адепты первой тенденции в большей мере идут от сложившихся исторически представлений о романских разновидностях; причём продвигающиеся таким путём исследователи в поисках единого принципа дифференциации доверяются, главным образом, собственной интуиции¹.

Существование в науке чисто дедуктивного и так называемого «историко-эмпирического» изучения жанра во всём многообразии его форм наводит на мысль о необходимости и принципиальной возможности третьего – **историко-теоретического** подхода к проблемам типологии романа. Мысль о необходимости такого изучения была высказана (правда, в несколько иной терминологии) ещё в конце XIX века А.Н. Веселовским. О невозможности решать названные проблемы ис-

¹ Подробнее см.: *Соколянский М.Г.* Западноевропейский роман эпохи Просвещения. Проблемы типологии. – Киев; Одесса, 1983. – С. 3-21.

ключительно в теоретической плоскости писали и видные литературоведы прошлого столетия (Борис Томашевский, Стефания Скварчиньска, Цветан Тодоров, Поль Эрнади и др.).

Насущная необходимость интеграции двух традиционных путей типологического исследования романа была по-своему доказана и трудами М.М. Бахтина, значение которых для построения общей теории романа общепризнано. Как уже отмечалось, «единого стройного здания теории жанров М.М. Бахтин не выстраивал, это, видимо, не составляло цель его исследований»². Но рождались его жанровые идеи в русле серьёзнейших методологических поисков, отмеченных эрудицией и проницательностью исследователя, а также стремлением к целостности концепции; потому-то они представляют немалый интерес в разных своих аспектах.

Добавлю, что при общей и ныне международной *сакрализации* имени и наследия М.М. Бахтина его вклад в разработку вопросов внутрижанровой типологии в полной мере всё же не был оценён ни в отечественной науке³, ни в зарубежной, где интерес к М.М. Бахтину проявили, главным образом, придерживавшиеся структурно-семиотического подхода исследователи, которых в наследии учёного привлекали по преимуществу общепhilософские и культурологические поиски, а собственно литературоведческие проблемы занимали далеко не в первую очередь. Словом, его роль в изучении ряда аспектов теории жанров ещё не выявлена достаточно полно и адекватно.

В своей работе «Формы времени и хронотопа в романе» учёный предложил в качестве критерия типологической классификации романских форм категорию **хронотоп**. Определив таким образом единый и универсальный принцип дифференциации, М.М. Бахтин как будто следовал вполне традиционным, дедуктивным путём. Однако сам ход его рассуждений в этом объёмном труде убеждает в том, что дедуктивный способ мышления органически уживается здесь с индуктивным, а диахронический аспект проблемы интересует автора никак не меньше, чем синхронический.

«...Рассмотренные нами хронотопы, – говорится в заключительной части работы М.М. Бахтина, – имеют жанрово-типический характер, они лежат в основе определённых разновидностей романного жанра, сложившегося и развивавшегося на протяжении веков...»⁴. В

² Лейдерман Н.Л. Жанровые идеи М.М. Бахтина // *Zagadnienia Rodzajów Literackich*, t. XXIV, z. 1, 1984. – S. 67. Освещается эта проблема и в специальной монографии автора (См.: Лейдерман Н.Л. Теория жанра. – Екатеринбург, 2010. – С. 75-83).

³ К примеру, в книге А.Я. Эсалнек «Внутрижанровая типология и пути её изучения» (М., 1985) концепция М.М. Бахтина, по сути, просто игнорируется.

⁴ Бахтин М.М. Вопросы литературы и эстетики. – М., 1975. – С. 399.

этом обобщающем выводе охарактеризована и функция изучаемой категории в ходе жанрово-типологической изменчивости романа, которую нельзя недооценивать и тем более – игнорировать.

Обстоятельному описанию подвергнуты в цитированном выше труде разновидности античного романа. Выделив три основных вида хронотопа, автор соответственно охарактеризовал три разновидности античного романа: «авантюрный роман испытания», «авантюрно-бытовой роман» и «биографический роман». В описании этих давно сложившихся и, можно сказать, *застывших* форм дедуктивный метод абсолютно уместен и продуктивен. Однако в тех рассуждениях, где исследователь прочерчивает историческую перспективу развития некоторых романских функций и вспоминает классические образцы романа нового времени, его схема лишается логической жёсткости и утрачивает свою заданную универсальность. К тому же, ставя во главу угла принцип **диалогизации**, М.М. Бахтин склонен называть романами сократические диалоги или переписку Цицерона, в то же время отказываясь именовать так некоторые классические романы XIX века⁵.

В работе «Формы времени и хронотопа в романе» автор лишь однажды обращается к осмыслению специфического хронотопа в романе нового времени. Речь идёт о романе Франсуа Рабле «Гаргантюа и Пантагрюэль». Раблезианский хронотоп исследован и со стороны его генезиса (в частности, совершенно по-новому поставлен вопрос об исторической роли пародийно-травестийных форм в художественном мире изучаемого произведения), и со стороны его структурных функций. Однако художественная уникальность книги Рабле, наглядно представленная в известной монографии М.М. Бахтина о французском писателе, явно просматривается и в описании раблезианского хронотопа, которое при всём при том не даёт оснований говорить о принципе выделения и определения особого жанрового **типа**. К тому же, основываясь на очевидной художественной специфике «Гаргантюа и Пантагрюэля», учёный сделал ряд общих выводов, явно преувеличив роль пародийно-травестийной линии в становлении и развитии романа, что уже не раз отмечалось теоретиками и историками литературы.

Очень важной является мысль М.М. Бахтина о возможной множественности хронотопов в творениях романистов XIX-XX веков. Этот вывод был продиктован пониманием меньшей жёсткости и большей мобильности романских структур в литературе упомянутого историче-

⁵ Этот спорный момент отмечен М.Л. Гаспаровым. См.: *Гаспаров М.Л.* М.М. Бахтин в русской культуре XX в. // Вторичные моделирующие системы. – Тарту, 1979. – С. 113.

ского периода, способности этих структур к выявлению и порождению различных, в том числе и совершенно новых жанровых модификаций. Учитывая поразительное многообразие и историческую изменчивость художественных форм, исследователь не счёл возможным элементарно накладывать основные типы антично-романного хронотопа на позднейшие образцы изучаемого жанра. К этому, очевидно, следует добавить, что, рассуждая о романной специфике (в книге о Достоевском и целом ряде статей), он практически, как точно подмечено Е.М. Мелетинским, имел в виду прежде всего не античный или средневековый жанр, а роман нового времени, «и потому привычное со времён Гегеля мнение о том, что романная специфика отчётливо проявилась только в XIX-XX веках, как бы поддерживается авторитетом М.М. Бахтина»⁶.

Из жанровых модификаций романа нового времени особый научный интерес М.М. Бахтина вызывал роман воспитания (*Bildungsroman*), которому он посвятил фундаментальное монографическое исследование. В своеобразном предисловии к этому труду, озаглавленном «К исторической типологии романа», учёный специально обращается к проблемам типологии жанра, пытаясь развернуть их в историко-литературной плоскости. Декларируя «попытку исторической классификации» романских разновидностей, он стремится изначально выделить важнейший, а потому единый принцип классификации. Таким принципом на этот раз объявляется «построение образа главного героя». На основании такого критерия выделяются следующие типы романа: роман странствований, роман испытания героя, роман биографический (включая и автобиографический) и роман воспитания⁷. Три первых типа охарактеризованы Бахтиным довольно лаконично, тогда как последний – описывается более обстоятельно.

При желании совсем нетрудно проследить аналогию между этой попыткой классификации и предложенной в работе о времени и хронотопе классификацией античного романа. Очевидно также, что типология, созданная на основании способа построения образа главного героя, строго говоря, является тоже дедуктивной. Тем не менее, разнообразный, весьма репрезентативный материал и даже избранная и вынесенная во главу работы категория («историческая типология романа») оказывают – независимо от изначальной установки – упорное сопротивление дедуктивной классификации и приводят проницательного литературоведа к мысли, что «ни одна конкретная историческая разно-

⁶ Мелетинский Е.М. Введение в историческую поэтику эпоса и романа. – М., 1986. – С. 127-128.

⁷ Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. – М., 1979. – С. 188-198.

видность не выдерживает принципа в чистом виде»⁸. Тем самым подчёркивается необходимость интеграции исторического и теоретического подходов к поставленной проблеме.

Пути этой интеграции в малой мере проясняются не столько в теоретических декларациях М.М. Бахтина, сколько в методологии его литературоведческих исследований. Сделаю попытку определить самые главные моменты в наследии выдающегося литературоведа, оплодотворившие дальнейший ход жанрово-типологических штудий.

Предложив в одной из своих работ определённый принцип классификации романских форм, а именно – хронотоп, в другой работе он отдал предпочтение новому критерию типологизации – способу построения образа главного героя. Опосредствованным критерием систематизации остаётся ещё и способ формирования образа автора в художественном произведении. В рассуждениях М.М. Бахтина категории **автор** и **герой**, начиная с 1920-х гг. (с работы «Автор и герой в эстетической деятельности»), мыслятся в неразрывном, диалектическом единстве. Один из важнейших аспектов, интересовавших учёного, – проблема отношения автора к герою – воспринимается им как немало важный фактор, определяющий типологию героя, тесно связанную с феноменом *жанровой* типологии.

Ригористичный адепт дедуктивной систематизации, наверное, узрит здесь нарушение единого принципа классификации. Однако М.М. Бахтин и в других своих трудах выделял такую категорию, как **самосоздание героя**, видя в этом феномене своего рода художественную доминанту, «разлагающую монологическое единство произведения». Словом, речь может идти не столько о нарушении единого принципа, сколько о проявлении исследователем широты и гибкости мышления, допускающих составной, комплексный характер основного критерия типологической классификации самых многообразных явлений в искусстве. Само соотношение хронотопа как определённой системы координат действия с главным действующим – протагонистом произведения – представляется не только жанрообразующим, но и важным *жанромодифицирующим* фактором.

Описав основные хронотопы античного романа с достаточной полнотой, чёткостью и завершёностью, М.М. Бахтин не распространил эту схему на все позднейшие эпохи в истории мировой литературы. Как бы предвзято дальнейшие поиски решения этих сложных вопросов, он оставил своим последователям определённую «подсказку»: на первой стадии ставить и решать жанрово-типологические задачи на романном наследии отдельных историко-культурных эпох, оставаясь в

⁸ Там же, с. 188.

исторических рамках каждой из них. Замечание о множественности хронотопов в богатстве романских разновидностей, порождённом новым временем, как бы предостерегает литературоведов от возможных упрощений, к которым приводит игнорирование живого литературного материала, приносимого в жертву стройности теоретической концепции.

Так, хотя М.М. Бахтин в своих трудах анализировал, главным образом, старые формы романа, мы не найдём у него того гегельянского взгляда на историю жанра как уже состоявшийся и завершённый процесс, который содержится, например, в хорошо известной и давно вошедшей в научный обиход «Теории романа» Дьердя Лукача⁹. «...Нельзя не увидеть, – справедливо замечает Вяч. Вс. Иванов, – глубочайшей внутренней переклички сформулированных им [Бахтиным – М.С.] закономерностей романа и структуры таких романов XX века, как «Улисс» Джойса, период создания которого был временем молодости Бахтина...»¹⁰. Разумеется, в ходе такого рассуждения можно было бы назвать, помимо «Улисса», и многие другие подлинно новаторские романы, созданные в разные периоды прошлого столетия.

Высказав мысль о возможности обнаружения множества хронотопов «даже в пределах творчества одного автора», М.М. Бахтин без какой-либо дидактики предложил литературоведам вполне чёткие установки на конкретное изучение художественного текста в первую очередь. Из его трудов совершенно ясно, что не типологическая классификация является в идеале априорной, а конкретное теоретическое изучение исторически изменяемых литературных форм непременно должно предшествовать теоретическим обобщениям.

Не случайно и то, что в названиях и подзаголовках его трудов, где ставится проблема типологии романа, обязательно присутствует уточняющее определение «исторический» (например: «историческая поэтика», «историческая типология» и т. п.). Продвигаясь в русле лучших традиций филологической науки, М.М. Бахтин вводил жанрово-типологические штудии в системные рамки той научной дисциплины, которая со времён Александра Веселовского именуется **исторической поэтикой**.

Но, подобно своим великим предшественникам, он не создавал

⁹ В предисловии к англоязычному изданию «Теории романа» (впервые книга была издана на немецком языке в 1920 г.) венгерский философ и литературовед сам признавался в своём «гегельянстве». См.: *Lukács Georg. The Theory of the Novel. A historico-philosophical essay on the forms of great epic literature.* – Cambridge, Mass., 1971. – P. 15-20.

¹⁰ *Иванов Вяч. Вс.* Значение идей М.Бахтина о знаке, высказывании и диалоге для современной семиотики // Учён. зап. Тартуского ун-та. Вып. 308. Труды по знаковым системам. VI. – Тарту, 1973. – С. 29.

рецептурного справочника по теории литературы, а именно в таком качестве стали иногда восприниматься на родине исследователя, начиная с середины 1980-х гг., многие его идеи. Как точно и вместе с тем образно заметил М.Л. Гаспаров, «пророк нового ренессанса оказался канонизирован веком нового классицизма» и из его творческой программы сделали «теорию исследования»¹¹.

В рамках отечественной науки М.М. Бахтин-теоретик в силу ряда причин остался, по сути, в изоляции, вне взаимодействия с приверженцами иных школ и научных подходов. Так, несмотря на известную (определяющую!) роль учёного в создании книги П.Н. Медведева «Формальный метод в литературоведении», потенциально продуктивный диалог Бахтина с корифеями русского формализма, к сожалению, не состоялся¹². Но по прошествии времени с научным наследием М.М. Бахтина произошло то, чего счастливо избежали труды ведущих формалистов, а именно – своего рода *канонизация* имени учёного и его идей.

Такая канонизация сильно сузила границы продуктивности жанровых идей М.М. Бахтина. Освобождение от пут *религиозного* восприятия его трудов и обретение свободного и поистине творческого понимания подходов Бахтина к изучению жанровой системы и внутрижанровой типологии позволят, думается, литературоведам сделать новые шаги на пути исследования этого круга проблем.

¹¹ Гаспаров М.Л. Указ. соч., с. 113.

¹² См. подробнее: Соколянский Марк. М.М. Бахтин и Г.О. Винокур: два подхода к научной поэтике // *Russian Literature*, – Amsterdam XLIV-II (1998). – P. 227-239.